

12+

Евгений Черепанов

ЖИЗНЬ в мире с конечной причинностью

Краткий путеводитель

Евгений Черепанов
Жизнь в мире с конечной
причинностью.
Краткий путеводитель

<https://litres.ru/74428309>

ISBN 9785007094658

Аннотация

Эта книга — о том, как фундаментальные пределы, известные физике, определяют наш каждый день. Будущее неопределённо, знание всегда неполно, любое действие локально, общего «сейчас» для всех нет, а каждый шаг необратим. Отсюда — неизбежность ошибок, а значит тревога перед выбором, сомнение, сожаление о сделанном, чувство вины и споры о том, кто прав. Понимая эти пределы, легче иметь реалистичные ожидания от мира. Книга показывает, почему жизнь не обязана быть безошибочной, чтобы быть реальной.

Содержание

Предисловие	5
Часть I. Мир, где возможного больше, чем произошедшего	8
Почему мир не может всё	8
Мир не может знать всё сразу	15
Кнопка, которой не было	19
Где рождается ответственность	23
Прошлое: кажется очевидным, хотя никогда таким не было	27
Необратимость — цена реальности	36
Время как счётчик изменений	41
Часть II. Человек внутри системы	45
Сознание: две функции, которые мы путаем	45
Свобода, которой у нас меньше, чем кажется	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Жизнь в мире с конечной причинностью Краткий путеводитель

Евгений Черепанов

© Евгений Черепанов, 2026

ISBN 978-5-0070-9465-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Если тебе кажется, что ты в чем-то не дотягиваешь — до себя, до чужих ожиданий, до собственных решений, — с тобой всё в порядке. Ты живёшь в мире, где заранее видно не всё. Любой выбор закрывает десятки других, а память упрямо хранит представления о том, как *могло бы* сложиться. Это не слабость характера и не нехватка уверенности. Это естественное состояние человека, который действительно выбирает — и потом помнит о сделанном.

Почти каждый ловит себя на мысли, что можно было бы сделать чуть лучше. Чуть точнее сказать. Чуть раньше заметить важное. Чуть аккуратнее свернуть на повороте, который уже стал прошлым. Ругаете ли вы себя в такие минуты? Запускаете ли внутренний разговор о «работе над собой» — как будто есть скрытая деталь, которую осталось слегка подкрутить, и система заработает тише и надежнее? Думаете ли о том, как перестать ошибаться, совсем, будто такое состояние вообще возможно?

Мы живём в реальности, где идеальная согласованность с собой недостижима. Недостаточно быть внимательнее или стараться лучше: сам мир устроен так, что полного совпадения всех линий — внутренних и внешних — быть не может.

Когда-то один очень разумный роман сообщил человечеству, что ответ на главный вопрос жизни, Вселенной и всего

такого — 42. Проблема, как известно, была не в ответе. Проблема была в том, что никто точно не знал, каким был вопрос. В этом месте с **«Автостопом по галактике»** трудно спорить: человечество действительно тянется к универсальному ответу. Мы строим теории, модели, прогнозы, стратегии ради надежды хотя бы один раз всё учесть. Не случайно и физика десятилетиями ищет «теорию всего» — тот самый священный грааль, который должен связать всё со всем. Там, где я внутренне расхожусь с этой традицией, — в объяснении, почему она так упорно ломается.

Представьте на минуту, что мир не абсурден. Что в нём есть структура, причинность, логика. И если в мире есть структура, то у структуры есть предел. Не всё может быть связано со всем. Не всё может быть предусмотрено. Не всё может быть согласовано одновременно, и не каждое потенциальное событие вообще способно стать реальным.

Если принять это всерьёз, главный вопрос меняется и звучит он проще: как жить и ориентироваться в мире, который принципиально непредсказуем и необратим, где ошибки неизбежны, а ответственность начинается и заканчивается там, где твоё участие оставило след в истории.

Мир непредсказуем, потому что причинная ёмкость ограничена: не всё может быть учтено и предусмотрено заранее. А необратимым он становится в момент фиксации, когда один из вариантов перестаёт быть возможностью и становится фактом со всеми вытекающими цепочками последствий.

До фиксации — только варианты.

После — только последствия.

У нас нет машины размером с планету, вычисляющей ответы на все вопросы. Зато у нас есть более мощный и куда более коварный инструмент: способность бесконечно откладывать фиксацию, называя это анализом, гибкостью и осторожностью. Иногда это действительно разумно. Но чаще именно здесь и рождается напряжение: в работе, в отношениях, в ощущении времени, которое движется вперёд, как ни тяни.

Эта книга не предлагает универсального ответа. Она не обещает, что станет легче сразу, и точно не собирается чинить читателя. Она берёт на себя более скромную, но честную задачу: показать, почему главный вопрос почти всегда оказывается вопросом выбора, а чувство внутренней несогласованности — не ошибка, а нормальный спутник жизни в мире, где возможностей всегда больше, чем причинной ёмкости. Показать, что неопределенность и риск — это единственный режим существования вселенной, что знание всегда неполное и единственного правильного ответа не существует.

Если совсем коротко, это не путеводитель по бесконечной галактике. Это попытка разобраться, как жить в мире, где реальность начинается точно в том месте, где заканчивается возможность «ещё немного подумать».

Полотенце, возможно, всё же пригодится.

Часть I. Мир, где возможного больше, чем произошедшего

Почему мир не может всё

Мы живём в мире, где не видно всего заранее, решения принимаются при неполной информации, прошлое необратимо, а ошибки неизбежны. Причина этому — само устройство мира: он конечен, и такая конечность представляет собой совершенно нормальное состояние реальности; чинить в ней нечего. Проблема начинается там, где человек требует от себя невозможного: жить так, будто мир бесконечно согласуем, будто можно учесть всё и гарантировать, что каждый выбор окажется правильным.

Мы привыкли думать о своей жизни как о череде выборов, последствий, надежд и сожалений. И почти всегда мы чувствуем, что чего-то не хватает: полноты картины, уверенности, возможности вернуться и поправить. Это ощущение знакомо каждому, но редко кто связывает его с устройством самого мира. А между тем за нашей повседневной тревогой стоит нечто гораздо более фундаментальное — свойства реальности, в которой мы существуем.

Мысль о пределах мира легко принять за его недостаток.

Будто вселенная могла бы быть щедрее: добавить памяти, ясности, обратимости. Интуитивно идеальный мир видится местом, где всё связано со всем, где нет случайностей, потерь и ошибок, где ничего не пропадает и ничто не происходит «навсегда». Но стоит представить такой мир всерьёз — и возникает парадокс: полностью согласованный мир оказался бы неподвижным. Если учтено всё, происходит нечему — нет ни задержек, ни локальных решений, ни несовпадений, всё известно заранее. Такой мир может быть безупречно логичным, но не живым. Движение возникает благодаря ограничениям, а не вопреки им: там, где разные части мира «знают» разное, где информация приходит не сразу, где решения принимаются локально, без полного обзора. Именно эта несогласованность и делает возможной реальность, в которой что-то происходит.

Эта книга построена на нескольких простых принципах. Они действительно просты — настолько, что, однажды поняв их, вы начнёте замечать их повсюду: в принятии решений, в отношениях, в работе, в том, как вы относитесь к своим ошибкам и к неопределённости будущего. Универсальны они не по моей воле: за ними стоят базовые ограничения любой сложной системы — физического мира, экономики, экосистемы, человеческой психики. Мы будем говорить о мире в целом, но на каждом шагу возвращаться к человеку, потому что наша жизнь и есть самый прямой способ проверить эти идеи на прочность.

Эта книга о нашей жизни. Однако идеи, в ней отражённые, опираются на актуальные знания о физическом устройстве мира. Я использую физическую картину как рабочий язык, сознательно упрощая: она для меня способ видеть, а не аппарат доказательства — мне важна не столько буква формул, сколько смысл, который можно перевести в человеческий опыт. Квантовая неопределённость, необратимость, конечная пропускная способность каналов — для меня опорные точки, которые перекликаются с тем, как эти ограничения описывает современная физика. Если же вы захотите заглянуть вглубь кроличьей норы и увидеть, как те же самые идеи становятся связной онтологической рамкой, — это тема отдельной книги, «Бухгалтерия вселенной», где я пытаюсь пересказать известное нам устройство реальности через иную оптику.

Здесь мы остаёмся в границах практического разговора. Ниже я буду говорить о мире как о системе с конечным учётом, с пределами и необратимостью. Количество информации в единице объёма ограничено, а её передача идёт по каналам, чья пропускная способность тоже ограничена. Поэтому наш мир выглядит как мозаика из огромного числа локальных событий, выстроенных в строгую последовательность: согласовать всё сразу он не может. В этом нет изъяна — сама эта невозможность и делает жизнь возможной.

Есть повторяющаяся структура, или паттерн: любое влияние распространяется с конечной скоростью, вследствие че-

го возникает локальность, появляется задержка, у разных точек разное «сейчас», и в какой-то момент неопределённость схлопывается в необратимый факт. Такая структура появляется везде, где работает причинность: в физике, в мозге, в организациях, в отношениях. Механизм каждый раз свой, форма одна и та же. Я не утверждаю, что человеческое внимание — это световой конус или что скорость света ограничивает передачу нервного сигнала; я говорю лишь, что логика ограничения и задержки повторяется на разных масштабах. Когда это ясно, каждый следующий «световой конус» читается как узнавание паттерна, а не как натяжка.

Любое решение принимается при неполной видимости — таково прямое следствие конечного мира. Мы не можем учесть всего и не обязаны это уметь; мы делаем шаг, не видя всей дороги. И дело не в слабости человека: так устроена сама возможность действия там, где причинность конечна. Напрасно думать, будто, будь мы умнее, внимательнее или осторожнее, неопределённость удалось бы устранить, — она фундаментальное свойство системы, и возможного всегда больше, чем может быть реализовано. Это перекликается с тем, что физика описывает как принципиальную неопределённость, но здесь нам важен сам принцип, а не законы квантовой механики.

Поэтому выбор и любое решение — не поиск «правильного варианта», а участие в сжатиі возможного: мы выбираем траекторию среди доступных альтернатив, без каких-либо

гарантий результата. В момент выбора мир и человек сталкиваются с избытком продолжений и неполнотой информации, и всё равно приходится делать шаг — реальный, даже если не лучший и не идеальный. Единственный способ сделать такой шаг — отбросить альтернативы и схлопнуть их до единственного варианта; это очень напоминает коллапс волновой функции в квантовой механике. Оттого ошибки и неизбежны при любых действиях, а наш контроль сводится к тому, чтобы снижать риски и сужать число вариантов так, чтобы ошибка не оказалась фатальной.

Тем же проясняется и необратимость. События конечны не оттого, что жизнь жестока, а оттого, что мир не хранит версий самого себя и не ведёт черновиков. Каждое событие меняет структуру реальности, и стереть его значит переписать саму ткань происходящего; отменить прошлое не позволяет само устройство причинности. У такого момента в этой книге есть имя: «фиксация». Это точка, где один из вариантов перестаёт быть возможностью и становится фактом. До неё — варианты, после — только их последствия. Фиксация не требует ни сознания, ни судьи; это механизм, которым мир запоминает сделанное. Она превращает «могло быть по-другому» в «было так»: без неё не было бы ни истории, ни выбора, ни нас самих, а только вечное колебание без последствий. Она же порождает и тяжесть прошлого, и невозможность переиграть. Подробнее об этом — в отдельной главе; здесь достаточно зафиксировать саму идею.

Наше участие в происходящем меняет и взгляд на исход решения. Мы привыкли считать его чем-то внешним по отношению к нам — будто итог выносит независимая, беспристрастная инстанция. Такой инстанции нет: любой итог рождается во взаимодействии, а наблюдатель влияет на тот же мир, в котором мы действуем. Как на экзамене — оценка не чистый слепок знаний студента, в неё входят и конкретный экзаменатор, и формат, и момент, и напряжение, и контекст. Абсолютной, ни от кого не зависящей точки зрения не существует: у каждого участника и каждого наблюдателя своя система координат, и все они — часть одной картины, а не судьи над ней.

К этому зазору — между конечным миром и нашим требованием к себе быть выше него — мы будем возвращаться снова и снова. Из него рождаются тревога, чувство вины, страх выбора и знакомое ощущение: «со мной что-то не так». И дело не в нас самих, а в том, что мы пытаемся жить по правилам более удобного мира, чем тот, в котором существуем на самом деле.

С этим связано и давление, которое мы часто ощущаем. Мы живём внутри конечного мира, но думаем о себе так, будто должны быть вне его: будто обязаны видеть все варианты, понимать последствия заранее и выбирать так, словно картина уже известна. Но она не известна и не может быть известной. А значит, ты не обязан реализовать все варианты, выбирать «наилучший» и оправдываться за то, что чего-то

не произошло. Ты живёшь в мире с конечной причинностью, и твоё дело — двигаться внутри него, принимая его устройство как данность.

Дальше мы будем говорить о выборе, ошибках, ответственности, расставаниях и завершённости, но всё это обретает смысл только после одного признания: мир устроен не под безошибочную жизнь, а под движение. Когда это становится ясно, напряжение начинает уходить, и в конечном мире открывается спокойствие — не потому что жизнь упрощается, а потому что требования к себе наконец совпадают с устройством реальности.

Мир не может знать всё сразу

У каждого из нас есть интуиция причинности: у событий есть причины, у действий — последствия. Мы пользуемся ею постоянно и почти никогда не разглядываем. А если разглядеть, внутри обнаружится допущение, будто существует одна огромная схема, где каждое событие в тот же момент становится известно всему остальному миру, и всё мгновенно подстраивается под всё.

Из теории относительности следует правило локальности: ничто не может влиять на удалённое событие быстрее, чем успеет дойти сигнал, а ни один сигнал не может распространиться быстрее скорости света.

Термин «скорость света» часто понимают слишком буквально. Здесь речь не о том, что «что-то летит быстро», а о том, что мир не умеет сообщать сам себе новости мгновенно. По смыслу это правило и направление причинного влияния — то, как и в каком порядке одно событие вообще может стать условием для другого. Между «произошло» и «стало частью общей истории» всегда есть пауза, хотя в масштабах повседневной жизни она настолько мала, что мы её не способны заметить.

Поэтому у каждой точки мира есть своё «сейчас» и свой горизонт влияния. Мир не может быть согласованным до конца — иначе в нём просто нечему было бы происходить.

Если всё уже известно и всё уже связано без задержек, то различия между «до» и «после» исчезают. События перестают быть событиями, потому что им негде появляться: любая возможность тут же становилась бы известна всему миру, а известное без задержки не оставляет неопределённости — и нечему схлопываться в факт. Не всё может быть связано со всем сразу — это и есть ограничение причинности. Звучит как утверждение из физики, но по сути оно про структуру реальности: про то, почему движение вообще возможно.

У реальности есть и право, и обязанность не быть единым моментальным «всё сразу». Мир узнаёт сам о себе постепенно. Одни части мира ещё не «в курсе» того, что уже произошло в других, и это не дефект, а условие движения. Движение начинается там, где есть локальность: здесь уже что-то стало фактом, а там ещё нет, и между ними есть путь, задержка, перенос влияния. Влияние распространяется не мгновенно. Это не метафора — это структурный принцип, который проявляется везде, где работает причинность.

У локальности есть и человеческое измерение: ни у кого из нас нет общей системы координат со всеми остальными — каждый смотрит из собственной точки, как из центра собственной вселенной.

Если удержать эту мысль, становится проще увидеть, почему человеческие решения выглядят именно так, как выглядят. Мы действуем локально не потому, что мы плохо стараемся. Мы действуем локально потому, что так вообще

устроено действие в мире, где нельзя собрать всё в одну точку знания. У человека нет другого формата выбора, кроме локального: с ограниченной видимостью, с задержками в понимании, с неполной картиной причин и будущих следствий. Например, когда мы решаем, соглашаться ли на работу, переезжать ли в другой город, покупать ли дом, поступать ли в университет, увольняться или начинать бизнес, — каждый раз мы не знаем всех переменных. Даже простой выход из дома несёт в себе неизвестность. Именно эта неопределённость и делает возможным появление новых событий, потому что переход возможностей в факты происходит через стирание всех вариантов, кроме одного. Это стирание и есть фиксация.

К неопределённости легко отнести как к недостатку информации, который «в идеале» — при достаточных ресурсах и времени — можно было бы устранить. Но в мире с конечной причинностью неопределённость возникает не только из-за незнания, а из-за устройства самой системы. Даже если знать очень много, всё равно остаётся избыток возможных продолжений — просто потому, что их всегда больше, чем может быть согласовано и зафиксировано одновременно.

Именно это ограниченное знание делает возможным существование жизни в том виде, как мы её знаем. Когда происходит фиксация, множество сценариев схлопывается в один факт, и неопределённость устраняется — но локаль-

но. Другие точки сети узнают об этом не сразу: информация должна быть передана, а при передаче происходит сжатие — как при пересылке фотографии: файл становится легче, но часть деталей исчезает безвозвратно. Информации теряется тем больше, чем дольше и сложнее путь, который она проделывает.

И тогда становится виднее, почему в следующих главах мы так часто возвращаемся к фиксации. Фиксация — это не каприз психики и не моральный выбор «поставить точку». Это способ, которым мир продолжает движение, когда вариантов больше, чем он способен удержать. Где-то неопределённость должна закончиться, иначе не будет следующего шага.

Кнопка, которой не было

Итак, фиксация — это завершение неопределённости. Система не способна удерживать все варианты одновременно. В какой-то точке ей нужен конкретный следующий шаг, чтобы продолжить движение. Не оптимальный, не идеальный. Просто достаточный. Фиксация почти никогда не ощущается как событие — нет щелчка, нет внутреннего сигнала, который бы ясно сообщал: «вот сейчас всё решилось». Именно поэтому мы так легко пропускаем этот момент, а потом снова и снова возвращаемся к нему мысленно — как будто там была кнопка, которую можно было нажать иначе. Но кнопки в этом моменте не было: до фиксации были только варианты, после — только последствия.

Спор о свободе воли — по сути спор об этом моменте. Люди спорят о нём так долго, что спор стал похож на круг. Одни говорят: свобода очевидна — она ощущается как возможность поступить иначе. Другие — что свободы нет, есть только цепочка причин, а ощущение выбора возникает от незнания. Обе интуиции держатся на реальности — просто на разных её слоях. Свобода действительно существует, но она намного уже, чем кажется. И именно поэтому мы так часто её переоцениваем.

Мы привыкли представлять свободу как пространство, где все направления открыты. Чем больше вариантов — тем

свободнее. Логика кажется прямой, почти математической. Но в ней скрыта ловушка: проблема не в том, что вариантов мало, а в том, что их слишком много. Будущее разрастается быстрее, чем мы способны удержать. Каждый пунктирный вариант порождает новые, и пространство возможностей распухает так сильно, что перестаёт быть опорой. Формально — можно куда угодно. Фактически — парализует.

Ощущение большей свободы возникает из асимметрии, встроеной в само настоящее. Прошрое уже сжато — оно прошло через узкое горлышко фиксации, миллионы альтернатив исчезли, осталась одна линия фактов. И нам кажется, что в момент выбора всё было таким же понятным, как сейчас. Будущее — наоборот, раздуто: реальные варианты и невозможные стоят рядом, и мы не чувствуем границы между ними. Время добавляет ещё одну иллюзию: новая информация всегда появляется о прошлом, а не о будущем. Каждый миг добавляет факты — но не возможности. Они исчезают гораздо быстрее, чем мы замечаем.

Фиксации происходят непрерывно — с нами и без нас. Они не спрашивают о готовности. Каждая добавляет строку истории и движет систему дальше — не по плану, а по траектории, возникающей из множества малых переходов.

Именно здесь спор о свободе воли ломается. Одна интуиция говорит: если мог бы выбрать иначе — значит была свобода. Но она предполагает, что варианты были равноправны и реальны — в жизни так почти не бывает. Другая гово-

рит: свободы нет, есть только следствие причин. Но она отодвигает человека в сторону, превращая его в наблюдателя, а не участника фиксации. Промежуточные позиции пытаются смягчить противоречие, но тоже мимо основной точки: не важно, сколько вариантов можно представить. Важно — какие вообще способны стать событиями.

Стоит отметить ещё один слой. То, что мы называем решением, редко переживается в момент его принятия. Сознание, как правило, приходит немного позже — оно регистрирует то, что уже пришло в движение, и выстраивает вокруг этого связную историю. Выбор ощущается нашим, потому что мы присутствуем при его последствиях. Кажется, что это окончательно хоронит свободу: если в момент перехода всё уже пришло в движение, где здесь я?

Ответ в том, что свобода работает не в момент фиксации, а раньше. В сам момент перехода срабатывают правила, выстроенные заранее: привычки, характер, ценности — то, что человек успел выстроить в себе до того, как момент наступил. Запоздавшее сознание при таком взгляде перестаёт быть угрозой свободе: оно опаздывает к фиксации, но не к выстраиванию правил, которое шло всё время до неё. Что из этого следует для ответственности — в следующей главе, а к устройству самой свободы мы ещё вернёмся во второй части книги.

Если смотреть на мир как на систему, где возможного всегда больше, чем может быть зафиксировано, свобода пере-

стаёт быть и абсолютом, и иллюзией. Она становится локальной: **не власть над будущим, а участие в переходе возможного в произошедшее**. Это перекликается с локальностью из прошлой главы: мы не можем влиять на всё сразу — только на то, что находится в зоне нашей причинной досягаемости. Две фразы, обычно противопоставляемые, вдруг оказываются совместимы:

«**Я не мог иначе**» — потому что при данных условиях система шла именно так.

«**Я отвечаю**» — потому что шаг прошёл через меня, через ту точку, где возможное стало фактом.

В жизни с другими людьми свобода тоже означает не «все варианты», а доступ к участию в фиксации. Несвобода — это когда решения фиксируются без тебя.

Вопрос, в конечном счёте, не в том, сколько путей открыто. А в том, присутствуешь ли ты там, где возможное становится реальным.

Где рождается ответственность

В прошлой главе мы смотрели на сам момент перехода — на то, как возможное становится фактом и что в этой точке остаётся от свободы. Теперь о том, что этот момент оставляет после себя: о следе, с которым дальше приходится жить, и об ответственности, которая из него вырастает.

Фиксация не предупреждает. Она происходит не из-за нашей неподготовленности и не как следствие ошибки, а потому что мир не может удерживать неопределённость бесконечно. В какой-то момент она просто заканчивается. И в этом есть освобождающая сторона: если фиксация неизбежна, от нас не требуется быть идеальными.

В обычном разговоре иногда достаточно одной фразы — сказанной или не сказанной — чтобы разговор пошёл по совершенно другой траектории. В моменте это выглядит как мелочь, но после неё уже невозможно вернуться к предыдущему состоянию: изменился тон, сместились роли, возникло новое напряжение или, наоборот, новое доверие. Не потому, что фраза была «решающей», а потому что неопределённость закончилась и появился факт, с которым теперь приходится иметь дело.

Фиксация — не психологическая особенность человека. Это свойство самих процессов. Они завершаются и без нашего участия. Но там, где в процессе участвует человек, по-

является дополнительное измерение — ответственность. Не вина. Не контроль результата. А признание участия: переход прошёл через меня.

Контроль — это ожидание, что я мог управлять исходом целиком. Ответственность — это факт того, что в момент фиксации я был частью системы. И она почти всегда возникает постфактум — когда уже ясно, какой именно вариант стал реальностью. Отсюда появляется привычная ловушка: мы пересматриваем прошлый момент так, будто знали тогда то, что стало ясно только после. Но в точке фиксации будущего ещё не существовало как знания. Оно появилось позже — вместе с фактом.

Здесь полезно различить два слоя ответственности, которые в книге не противоречат друг другу, но часто путаются. Первый — признание участия в фиксации: я был там, шаг прошёл через меня, и мир стал другим. Это минимальное условие ответственности, без которого остальное не имеет смысла. Второй — настройка условий, при которых фиксация происходит: пороги, привычки, среда, барьеры, оценка рисков — всё, что мы выстраиваем до момента. Исходом я не управляю, но отвечаю за то, как подошёл к моменту: какие сигналы учитывал, какие риски принимал, в какую среду вошёл и как к ней готовился. Контроль — это попытка управлять результатом, а ответственность за настройку — работа с условиями входа. Между ними нет противоречия, есть лишь разница в масштабе, и ответственность крепится туда же, где

живёт свобода, — к тому, что выстроено до момента, а не к результату, который следует за ним.

Ответственность — это не стрелка «я → результат». Это единственный узел в сети событий, из которого расходятся и я, и последствия. Я не единственная причина, но и не сторонний наблюдатель. В нелинейных системах такие узлы возникают постоянно. Малое действие может неожиданно усиливаться, а значимое — раствориться в дальнейших влияниях. Мы никогда не знаем заранее, какой сценарий развернётся, и это не сбой анализа, а свойство мира. Расходятся эти последствия не только вперёд по времени, но и вширь — на тех, кто оказался в пределах досягаемости шага. Иногда узел, через который прошёл я один, становится общей точкой в прошлом для многих.

Со временем ответственность может меняться. Иногда ослабевать, когда система уходит достаточно далеко и исходный вклад теряет определяющее значение. Иногда, наоборот, усиливаться — если он попал в чувствительную конфигурацию. Именно поэтому ответственность не равна вине. Вина всегда предполагает, что исход был известен заранее или должен был быть известен. Ответственность устроена иначе: она не требует знания результата, а лишь фиксирует сам факт участия.

Так исчезает ложная симметрия между «всё на мне» и «я ни при чём». Вместо неё появляется более точное ощущение масштаба собственного присутствия в происходящем — без

всемогущества, но и без самоотрицания.

Ошибка перестаёт быть сбоем системы и становится частью движения — тем, через что траектория продолжает складываться. В таком мире ответственность ощущается не как тяжесть, а как ориентация: ясное понимание того, где я действительно участвую, а где события разворачиваются уже без моего шага. От нас не требуется предусмотреть всё. Требуется только участвовать — и признавать своё участие.

Прошлое: кажется очевидным, хотя никогда таким не было

Прошлое выглядит застывшим и окончательным — было, и всё. Но именно с ним мы почему-то спорим чаще всего, пытаясь изменить в наших мыслях: переиграть разговор, принять другое решение, сказать иначе, уйти раньше, остаться дольше. С будущим мы обходимся иначе, спокойно признавая его неопределённым, а с настоящим — просто наблюдая, как оно происходит. Прошлое же ощущается как единственное из трёх, что почти можно было повернуть иначе, и именно в этом «почти» прячется обман: чтобы понять, откуда он берётся, стоит присмотреться к тому, что вообще происходит в момент, когда происходящее становится случившимся.

В этот момент рождается факт — не просто то, что произошло, а то, что вошло в структуру мира и стало частью ткани, на которой держится настоящее. До фиксации существовал веер вариантов; после неё событие перестаёт быть «одним из них» и становится условием для всех последующих шагов. Можно спорить о смысле и оценке, можно пересматривать интерпретации, но сам факт работает как опора, от которой отталкивается всё, что идёт дальше — и именно поэтому его нельзя вынуть и заменить, не разрушив то, что на нём держится.

Если попробовать всерьёз представить прошлое как набор

равноправных альтернатив, из которых можно выбирать задним числом, причинно-следственные связи перестают быть направленными: раз «вчера» можно переиграть, то и «сегодня» теряет основание, а любое состояние мира перестаёт быть результатом и превращается в произвольную выборку из возможных версий. Причинность держится не на том, что прошлое было «правильным», а на том, что оно едино — к нему привела одна цепочка событий, а не несколько равноценных.

Если прошлое едино, почему же оно так часто кажется переигрываемым? Потому что мы смотрим на него уже после сжатия: видим связную линию, цепочку причин и следствий, аккуратную последовательность «одно вытекало из другого». И на этом фоне возникает иллюзия, что структура была очевидна ещё тогда. Ясность вообще является свойством результата, а не процесса. В момент, когда событие ещё не зафиксировано, значительная часть информации просто не существует в форме знания. Контексты остаются неполными, связи не проявлены, последствия не сформированы. Они появляются потому, что произошло именно это событие, а не какое-то другое. Но когда из множества возможных вариантов реализуется один, всё остальное исчезает без следа. История, в отличие от наших мыслей, безжалостна к черновикам: она не хранит ни колебаний, ни сомнений, ни несостоявшихся ветвей — всё это не проходит через узкое горлышко причинности. В прошлом остаётся только то, что ста-

ло фактом.

«Историю пишут победители» — в этой поговорке обычно слышат упрёк: у кого власть, тот и искажает прошлое в свою пользу. Но если убрать моральную окраску, в ней проступает более простая механика. Неважно, «что случилось на самом деле», если дальнейшая траектория сложилась из другой ветви причинной сети: последствия одних событий затихли, последствия других усилились — и дальше историю действительно определяет та цепочка, которая продолжилась.

Любопытно, что эту фразу часто приписывают Черчиллю — хотя он её не говорил. Кто сказал её первым, неизвестно. Но желание усилить мысль авторитетом настолько естественно, что Черчилля продолжают называть автором. И вполне может оказаться, что через пару поколений он «на самом деле» будет считаться автором этого выражения — просто потому, что так удобнее, так убедительнее, так запоминается лучше. Не потому, что это правда, а потому что это та версия, которая продолжилась. Вот она, компрессия в чистом виде: альтернативы исчезли, осталась одна цепочка — и теперь она выглядит как единственная возможная.

В конечном счёте так устроена сама причинная запись: событие, не оставившее следа, для всего последующего неотличимо от события, которого не было. Мы видим лишь итог, без доступа к тому, насколько богатым и разветвлённым было пространство возможностей до фиксации.

Приведу другой пример — из своей врачебной практики. Молодым врачом в отделении хирургии позвоночника я каждый день наблюдал пациентов, за плечами у большинства из которых была длинная история неудачного лечения — собственно, она их к нам и приводила. Каждый рассказывал о лекарствах, которые не помогли, о процедурах, которые не сработали, и вывод напрашивался сам: кругом ошибки, а исправлять их — нам. Понадобилось время, чтобы увидеть простую вещь: пациенты с хорошим результатом существовали — просто им незачем было к нам обращаться, и я их не видел. Передо мной было не прошлое лечения болезней позвоночника, а только то, что прошло через одно конкретное горлышко.

Вам наверняка знаком и другой сценарий. Когда рассказывают о чьей-то болезни или смерти, разговор почти неизбежно сворачивает на «надо было»: умер в больнице — «не надо было ложиться», умер дома — «не надо было ложиться», операция прошла неудачно — «не надо было соглашаться». Версий я слышал множество, но ошибка в них одна и та же: оба факта — и лечение, и исход — лежат в прошлом, которое уже прошло компрессию. С высоты настоящего связь между ними кажется очевидной, и интуиция здесь подводит. Наука знает это про себя давно: убедительным считается предсказание, сделанное до события. Сначала гипотеза, потом проверка. Взгляд назад всегда смотрит на уже сжатое прошлое — и находит в нём ровно ту связь, которую ищет.

Именно здесь рождается ложное чувство вины — будто мы должны были знать то, чего в момент выбора ещё просто не существовало как знания. Мы судим себя с позиции результата, забывая, что он появился именно потому, что произошло это, а не что-то другое. На этом месте и наука спотыкается о ту же интуитивную трудность: чтобы объяснить, куда исчезают все варианты развития событий, появляются идеи о множественных или параллельных мирах — как будто нереализованные ходы продолжают где-то существовать. Эти гипотезы понятны: они пытаются спасти ощущение полноты возможного и убрать дискомфорт от исчезновения альтернатив. Но для нашей реальной истории важно другое: в нашей траектории альтернативы не лежат где-то рядом, ожидая возврата. Они просто не происходят — и потому не оставляют следа. Поэтому и переиграть прошлое невозможно без разрушения причинности.

Попытка изменить прошлое в голове только кажется безобидной — мы ведь не собираемся реально ломать мир, мы просто представляем «а если бы». Но эта интуиция уже опирается на ошибку: она обращается с прошлым так, будто оно хранит запасные версии, которых никогда не существовало. Почти всегда такая переигровка требует незаметной подмены: мы оставляем все последующие факты как есть, меняем только один узел — и ждём, что остальное сохранится. В реальности так не бывает. Изменение одного узла означает изменение всей траектории: другие разговоры, другие реше-

ния, другие люди, другие обстоятельства. Довольно быстро — другой мир, который не обязан иметь с текущим общего прошлого. Поэтому идея «я мог бы сделать иначе, и всё было бы почти так же, только лучше» — не альтернативная история, а логическая ошибка. Она использует знания настоящего, но пытается сохранить структуру прошлого нетронутой. Именно поэтому она звучит убедительно — и именно поэтому так выматывает. Прошлое не допускает локальных правок.

Отсюда прорастает и связь с ответственностью. Ответственность не означает, что прошлое можно было сделать «лучше». Она означает, что прошлое есть — и оно общее: ты и последствия твоих действий разделяете одну и ту же историю. Нельзя признать факт и отказаться от его траектории, нельзя принять результат и одновременно отвергнуть путь, по которому он возник. В этом смысле прошлое не обвиняет — оно просто существует. Постоянные попытки пересобрать его мысленно — это попытки вернуть альтернативы туда, где их уже нет. Импульс понятный: он возникает после фиксации, когда возможное исчезло, а вопросы остались. Но он всегда запаздывает. И если его не заметить, он превращается в бесконечный внутренний монтаж — как будто монтажёр может изменить исход, не трогая остальной фильм. Признание прошлого — не согласие и не оправдание, а признание структуры: мир уже сделал следующий шаг, и этот шаг стал опорой для всех последующих. Прошлое не требует, чтобы

мы его любили. Оно требует, чтобы мы не превращали его обратно в возможное. Потому что в тот момент, когда прошлое перестаёт быть фактом, настоящее теряет основание, а будущее — направление.

Но почему мир устроен так, что альтернативы исчезают без следа? Это не моральный выбор природы, а структурное свойство реальности. На фундаментальном уровне мир вероятностен. До фиксации нет predetermined исхода, который просто «скрыт» от нас, — есть распределение возможностей: веер продолжений, у каждого из которых свой шанс. При одинаковых условиях событие может завершиться по-разному, и это не пробел в знании, который можно закрыть внимательностью. Прогноз погоды даётся в процентах не из-за небрежности синоптиков — точного будущего, которое можно было бы узнать заранее, просто не существует. Этот принцип не исчезает на привычных масштабах — он просто меняет форму. То, что на уровне частиц описывается вероятностями, на привычных нам масштабах ощущается как случайность и чувствительность к малым воздействиям. Механизм иной, идея та же: мир не поддерживает такой уровень знания, при котором конкретный исход существует заранее как частный факт.

Причина глубже, чем сложность вычислений. Точное знание будущего потребовало бы точного знания настоящего — до бесконечности, до последнего знака после запятой. Но такой точности мир не предоставляет: у него есть фундамен-

тальный предел разрешения, планковская длина, за которым отдельные факты просто перестают существовать как различимые. Это принципиальное ограничение встроено в само устройство реальности, и оно касается не только нашего знания: сам мир на этом масштабе не различает состояний, а значит, неопределённость — не просто пробел в наших данных, а свойство самой ткани происходящего.

Как с шариком рулетки: в среднем поведение системы подчиняется статистическим закономерностям, но конкретный номер заранее не определён. Движение самого шарика формально зависит от скорости, угла, трения, неровностей и сопротивления воздуха. Но для точного предсказания результата потребовалось бы знание, которого сам мир не удерживает как доступное. Поэтому закономерности видны на уровне распределений, но не на уровне отдельного исхода. Вероятностный характер мира означает простую вещь: до фиксации нет «скрытого прошлого», где исход уже записан. Нет второй версии истории, просто ещё не открытой. Есть множество возможных продолжений — и ни одно из них не является фактом до момента реализации. Когда событие произошло, неопределённость исчезает не потому, что мы её поняли, а потому, что она перестала существовать как возможность. Распределение схлопывается в результат, и этот переход необратим.

Я не вижу в этом парадокса, который нужно устранять. Напротив, сжатие возможного в один факт — это механизм

движения мира, условие появления времени, истории и направления. У мира нет внешнего архива и резервной копии, где хранились бы все несостоявшиеся варианты. История пишется прямо на его собственной ткани — на том, что мы называем пространством и временем. И единственный способ двигаться дальше — радикальное сжатие прошлого. Альтернативы не архивируются: они отбрасываются просто потому, что для них нет места в продолжающейся истории. Мир движется из прошлого в будущее не вопреки исчезновению альтернатив, а благодаря ему.

До фиксации — распределение. После — один факт. И именно он становится основанием для всего, что происходит дальше.

Необратимость — цена реальности

Само слово «необратимость» звучит как утрата — в нём слышится трагедия, что-то безвозвратно потерянное. Поэтому, когда разговор заходит о ней, почти автоматически возникает чувство потери: мир будто устроен слишком жёстко — что-то произошло, и назад дороги нет. В таких местах обычно вспоминают слова про принятие, смирение, взросление. Иногда они действительно помогают, но, как правило, это уже ответы задним числом.

Между тем необратимость — не психологическая особенность человека и не моральное требование к жизни. Это одно из условий того, чтобы вообще что-то могло происходить: без неё события не складывались бы в цепочки, а мир не имел бы направления. И вот что интересно: на фундаментальном уровне уравнения физики работают в обе стороны, требования необратимости в них нет. Откуда же она берётся?

Частично ответ лежит в устройстве самого вопроса. Мы называем событием только то, что оставляет след в сети последствий. Если изменение полностью обратимо и не оставляет следов, у нас нет способа узнать, происходило ли оно вообще, — и для нас оно не происходит. В этом смысле необратимость отчасти определительна: мы просто не считаем событием то, что можно стереть без следа.

Есть и физическая причина, почему следы остаются. Она связана с энтропией — мерой утраченной различимости. Когда система переходит из одного состояния в другое, число доступных микросостояний растёт, а информация о конкретном пути теряется. Это не метафора: чтобы вернуть систему в исходное состояние, нужно было бы восстановить каждую утраченную деталь, а для этого потребовалось бы знание, которого у мира больше нет.

Бильярд почти идеален как модель ветвления следствий: есть шары, кий, стол, всё видно, всё кажется понятным. Удар по пирамиде выглядит как чистая механика — биток толкнул, шары разлетелись.

Теперь представим, что мы хотим этот удар отменить. Навивная версия звучит вполне разумно: собрать шары обратно в пирамиду и поставить биток на исходное место. Если расположение восстановлено, кажется, будто ничего и не было. Но это иллюзия. Удар оставил след не только в положении шаров: он изменил сукно и борта, сам кий, вызвал колебания воздуха, породил звук, слегка нагрел материалы от трения. Эти изменения микроскопичны, но они реальны — и, что важнее, они уже вплетены в остальное состояние мира. Даже если кто-то с невероятной точностью восстановит расположение шаров, результат будет лишь внешне похож. Это уже не то же самое состояние, из которого удар был нанесён.

Обратимость в макроскопическом смысле невозможна из-за того, что информация рассеивается и перестаёт быть

адресуемой. Именно поэтому бильярдный удар нельзя отменить — для этого пришлось бы контролировать слишком много того, что уже стало недоступным знанию. Чтобы действительно отменить удар, нужно вернуть не только шары, но и все последствия: каждую деформацию, каждое колебание, каждую молекулу воздуха, даже нашу память. Это уже задача не про бильярд, а про весь мир, который этот удар зацепил.

Мир с полной обратимостью выглядел бы странно. В нём могли бы быть движения, но не события. Всё возвращалось бы к исходному состоянию, и никакое «потом» не имело бы веса. Не было бы истории — только колебания вокруг одной и той же точки. Такой мир мог бы быть идеально согласованным, но в нём нечему было бы накапливаться. Необратимость — не жестокость, а способ, которым мир фиксирует: что-то действительно произошло.

Каждый зафиксированный факт почти сразу перестаёт быть локальным. Он начинает влиять — прямо или косвенно — на всё, что с ним связано. Это похоже не на стрелку «причина → следствие», а на каплю чернил в воде: капля перестаёт быть каплей почти сразу и становится частью распределения. Можно попытаться «собрать» чернила обратно, но тогда придётся контролировать движение каждой молекулы воды — то есть не отменить каплю, а пересобрать весь стакан. В этом смысле необратимость — не запрет на возврат, а цена того, что мир вообще способен продолжать движение.

Необратимость не означает, что мир «знает», куда идёт. Она не предполагает цели, плана или оптимальности: событие фиксируется просто потому, что неопределённость не может удерживаться бесконечно. Здесь необратимость смыкается с тем, что мы видели в прошлой главе: до фиксации — распределение, после — один результат. Какой именно — не принципиально. Принципиально, что остальные варианты исчезают не как отложенные, а как нереализованные.

А есть ещё то, как мы регистрируем события. Мы фиксируем их не сами по себе, а по последствиям: замечаем не «факт», а изменение. И здесь действует простое ограничение: если изменение полностью обратимо и не оставляет следов, у нас нет способа узнать, происходило ли оно вообще. На фундаментальном уровне ничто не запрещает обратимые процессы — вполне возможно, что вокруг нас постоянно происходят полностью обратимые микрособытия. Но если в результате не возникает ни одной устойчивой связи, ни одной корреляции, которая закрепляется и усиливается, — для нас это равнозначно отсутствию события. Мы живём в мире, который замечает только необратимое: у обратимого просто нет последствий.

Событие становится событием не в момент движения, а в момент, когда появляется связь: когда одно изменение начинает устойчиво отражаться в других, когда возникает узор, который нельзя растворить, не разрушив всё, что выросло вокруг него. Необратимость — не свойство отдельного про-

цесса, а свойство сети. В этом и ответ на вопрос, с которого мы начали: уравнения действительно работают в обе стороны, но события — нет, потому что событие — это не движение, а след, вплетённый в остальной мир.

Опасность возникает не из-за того, что что-то нельзя отменить, а из-за нашей привычки жить так, будто отмена возможна. Мы откладываем шаги, надеясь на идеальный момент. Мы избегаем решений, предполагая обратимость. Мы держим варианты открытыми слишком долго — и в итоге теряем движение. Необратимость в этом смысле — не приговор, а разрешение: событие может произойти, мир может пойти дальше, от нас не требуется полного контроля и безошибочности.

Здесь необратимость приобретает ещё один, менее очевидный смысл. Она придаёт моменту вес. Обратимый момент почти ничего не стоит: он не меняет траекторию, не требует продолжения, не создаёт последствий. Необратимый момент устроен иначе. Он дорог не потому, что обязательно драматичен или велик, а потому, что вписывается в ткань реальности и остаётся в ней. Цена необратимого момента — это цена того, что произошло что-то, а не ничего. Именно эта цена и делает жизнь настоящей.

И здесь естественно возникает разговор о времени.

Время как счётчик изменений

Про время мы почти автоматически говорим как о потоке: оно «идёт», «течёт», «ускоряется», «замедляется». Это язык ощущений, и он удобен. Но если держаться ближе к структуре, время проще понимать не как поток, а как счётчик изменений.

Мы никогда не измеряем «время само по себе». Мы измеряем движение стрелки, колебания маятника, период сигнала, распад частиц, длину тени — то есть последовательность различных состояний. Часы — не прибор для измерения абстрактного времени, а устройство, которое создаёт стабильную запись изменений и позволяет соотносить с ней всё остальное.

Такое понимание сразу делает ясной одну вещь: последовательность «сначала — потом» — не просто привычка ума, а след того, что причинность разворачивается последовательно. Одно состояние становится условием для другого потому, что иначе системе не согласовать происходящее: не всё может стать фактом одновременно.

Событие в этом смысле — момент, когда из множества потенциальных продолжений реализуется одно конкретное: система не может бесконечно держать все ветви открытыми и бесконечно откладывать запись. Когда событие произошло, оно становится частью прошлого — единого и необра-

тимого. Реальность требует записи, а запись по определению не может оставаться черновиком.

Если удерживать более бытовой эквивалент: любая система передачи и фиксации имеет предел. Человеческое внимание, нервная система, интернет — нельзя согласовать всё мгновенно. Мир в этом смысле ничем не отличается, просто его предел встроен в саму ткань происходящего. А время — след того, что запись идёт шагами.

У этого счётчика есть свойство, которое трудно принять, пока время представляется потоком: он локален. Единого «сейчас», натянутого на всю вселенную, не существует. События, одновременные для одного наблюдателя, для другого разделены во времени — и это не дефект приборов и не фокус восприятия, а устройство мира, подтверждённое самыми точными измерениями, на какие способна физика. Мы уже встречались с этим в начале книги: мир не может знать всё сразу, у каждой его части ограниченная видимость и своя задержка. Теперь можно добавить: и свои часы. Каждый из нас — центр собственной вселенной не только в том, что нам видно, но и в том, как для нас идёт счёт изменений.

Отсюда один шаг до вещи, которая в языке потока звучит как чудо: счётчики могут тикать с разной скоростью. Часы, которые быстро движутся или находятся ближе к массивному телу, отсчитывают меньше изменений, чем часы на полке. Пока время — поток, это невозможно вообразить: как один и тот же поток может течь по-разному? Для счётчика здесь

нет ничего загадочного: часы не врут и не ломаются, просто в их цепочке произошло меньше изменений. Проверить это можно, не выходя из машины. Часы на спутниках GPS уходят от земных на десятки микросекунд в сутки — мелочь по человеческим меркам, но если бы навигатор не вносил поправку, он промахивался бы на километры уже к вечеру первого дня. Каждый, кто хоть раз доехал по навигатору до нужного подъезда, лично проверил теорию относительности.

В этом смысле время возникает не из самого движения, а из фиксации — из различия между «было» и «стало», которое нельзя стереть, не стирая всё, что возникло после. Пока различие обратимо, оно не образует истории — оно просто колебание.

Этот счётчик работает и внутри нас — только записывает он не колебания маятника, а различия, которые сумела удержать память. Отсюда знакомая странность: детское лето длилось бесконечно, а взрослые годы пролетают, не оставив следа. Дело не в том, что время «ускори́лось». В детстве почти каждый день приносил различие — первое, новое, незнакомое, — и запись получалась густой. Год рутины пишет одну и ту же строку, и, оглядываясь, мы находим в нём так мало различий, что он сжимается до нескольких сцен. Это та же компрессия, что и у прошлого в целом: длина прожитого измеряется не количеством прошедших дней, а количеством записанных изменений.

Счётчик, о котором шла речь, тикает не где-то в глубинах

вселенной — он тикает в нас и вокруг нас. Наша жизнь — тоже запись: единственная, без черновиков и с необратимыми строками. Вся следующая часть книги — о том, каково быть тем, кто эту запись ведёт: выбирать, ошибаться, отвечать и завершать, когда не всё видно заранее и ничего нельзя отменить.

Часть II. Человек внутри системы

Сознание: две функции, которые мы путаем

В первой части книги мы описали мир как систему с конечной причинностью, локальностью и фиксацией. Время, сказали мы, — не поток, а счётчик изменений. Но мы пока не спросили: кто ведёт этот счёт? Кто свидетельствует об изменениях в этом мире? Развивается ли он случайно или есть некая воля, влияющая на эти изменения? Как этот мир ощущается изнутри? Мы проживаем эти ограничения не как абстрактную физику, а как текстуру собственного опыта. Инструмент этого опыта — сознание. А если взглянуть на сознание через ту же оптику — как на конечную систему, встроенную в более крупную, — оно должно подчиняться тем же ограничениям: конечной пропускной способности, задержкам распространения и невозможности удерживать всё одновременно. Это не дефект. Это структурная особенность — по крайней мере, в рамках того взгляда, который мы здесь развиваем. И она порождает одно конкретное свойство, которое будет ключевым для всего дальнейшего, — свойство, которое можно назвать запаздыванием.

Понимание этого запаздывания заставляет нас различать две функции сознания, которые мы привыкли путать.

В нейронауке и психологии запаздывание сознания известно давно. В экспериментах Бенджамина Либета, опубликованных в 1983 году, было показано, что мозговая активность, предшествующая простому движению, возникает на несколько сотен миллисекунд раньше, чем человек осознаёт своё решение действовать. Сознание, похоже, скорее получает уведомление о решении, которое уже начало формироваться. Позже психолог Дэниел Вегнер развил эту мысль: в книге 2002 года он предположил, что наше переживание сознательной воли — во многом иллюзия, а сознание часто занимается постфактум-рационализацией происходящего, создавая связный рассказ о том, почему мы сделали именно это.

Споры о свободе воли, о том, существует ли она и в каком виде, длятся столетиями и вряд ли закончатся в ближайшее время. Сами эксперименты Либета сегодня тоже интерпретируют по-разному: по одной из современных версий (Шургер и коллеги, 2012) потенциал готовности отражает не решение, а случайные колебания нейронной активности. Но для нас здесь важен не итог этого спора, а сам факт: сознание действительно часто приходит позже. Это не делает нас менее живыми или менее ответственными — просто означает, что свобода не может находиться в моменте осознания и должна находиться где-то ещё.

У этого запаздывания есть причина глубже, чем устройство психики. Мозг — сложная система, в которой центры обмениваются сигналами с конечной скоростью, и ни одна его часть не может знать всё сразу. Любая информация, поступающая в точку интеграции, — это уже информация о прошлом: пока сигнал шёл, и мир, и сам мозг успели измениться. В физике действует тот же принцип: скорость света создаёт локальность и тем самым обеспечивает причинность — не существует точки, из которой вселенная видна «сейчас» целиком. Внутри головы та же логика: сознание, собирающее картину из сигналов разных центров, по построению не может совпадать с моментом события — оно всегда мониторирует прошлое. Поэтому запаздывание, которое обнаружил Либет, не аномалия и не дефект: в системе с конечной пропускной способностью иначе быть не может.

Если принять эту логику, то настоящее нельзя наблюдать, потому что наблюдение и есть уничтожение настоящего. Чтобы наблюдать, система должна зафиксировать, а фиксация — это переход из возможного в определённое. Как только состояние зафиксировано, оно уже прошлое. Настоящее существует только до фиксации; в момент фиксации оно исчезает. Любая попытка «поймать момент» превращает его в точку прошлого. Поэтому, в рамках такого взгляда, «жить в моменте» в бытовом смысле невозможно. Можно только не убегать от точки фиксации — быть в ней, а не наблюдать её. Сознание — это то, как система переживает факт соб-

ственного схлопывания: того самого перехода из возможного в определённое, который мы и называем фиксацией. Мне кажется полезным различать две функции, которые мы путаем. Первая — ретроспективная. Она смотрит в прошлое, связывает события в цепочки, строит нарратив «я». Это та часть сознания, которая объясняет, почему я сделал так, а не иначе. Она всегда опаздывает — и в этом её сила: она делает мир переносимым и связным.

Вторая — пограничная. Она не смотрит никуда и ничего не объясняет; она включается только там, где сценарий ломается и дальше нельзя не выбрать. Это не отдельная «часть личности», а режим, который запускается перегрузкой альтернатив. Она не рассказывает — она ставит точку.

Сознание переживает фиксацию, но знает себя только через интерпретацию: оно доступно себе лишь задним числом, в пересказе. Именно поэтому мы постоянно путаем сам предел с его описанием.

Любопытно, что сам Либет не считал свои данные приговором свободе. Он заметил: хотя сознание не успевает инициировать действие, оно успевает его остановить — в последние примерно полторы сотни миллисекунд перед движением человек способен наложить вето на то, что мозг уже запустил. Вместо «свободы воли» — «свобода не-воли», *free won't*. И это поразительно близко к тому, о чём пойдёт речь в третьей части книги: свобода не в том, чтобы выбрать новое, а в том, чтобы не продолжать старое.

Свобода, которой у нас меньше, чем кажется

Есть очень удобный способ распоряжаться свободой выбора — ничего не фиксировать. Он выглядит достойно и его легко оправдать. Человек говорит, что не торопится, что ему нужно собрать больше информации, что он хочет лучше понять себя, что не принимает решений под давлением. Со стороны это легко принять за зрелость и осторожность.

А внутри часто живёт надежда: если не выбирать, то и ответственности не будет. Пока решение не принято, кажется, что ничего не поставлено на карту. Можно оставаться в комнате ожидания — без штампов в паспорте, без закрытых дверей, без подписи внизу страницы. Будущее остаётся открытым, а прошлое — как будто ни к чему не обязывает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.